

ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

Глава 1

УТРО ПРАЗДНИЧНОГО ДНЯ

Если начать словами старой детской присказки, то... в некотором государстве было графство, а в том графстве — город, а в том городе — дом, а в том доме — комната, а в той комнате — кровать, а в кровати лежала девочка, и, хотя она уже давно проснулась и ей не терпелось встать, сделать это она не решалась из страха перед невидимой грозной властью в соседней комнате, по имени Бетти, чей сон не полагалось тревожить, пока часы не пробьют шесть и она не проснется сама «точно как часы», и тогда уж — конец покою в доме. Было июньское утро, и даже в этот ранний час солнце уже наполняло комнату светом и теплом.

Напротив маленькой, в белой кисее кровати Молли Гибсон стояла на комод грубоватая подставка для шляп, а на нее был надет капор, заботливо прикрытый, чтобы случайно не запылился, большим носовым платком из ткани столь надежной и плотной, что, находишь под ним какое-нибудь хрупкое изделие из вуали, кружева и цветов, оно бы (если вновь воспользоваться лексиконом Бетти) «мигом перекосоротилось». Но капор был из прочной соломки, и украшала его лишь простая белая лента, которая, огибая основание тульи, спускалась вниз двумя концами так, чтобы их можно было завязывать. И все же внутри капора была аккуратная оборочка, каждую складку которой Молли знала наизусть, — не сама ли она с величайшим усердием закладывала их накануне вечером? А разве не было на этой оборочке голубого бантика, самого ее первого, самого изящного украшения, о каком она когда-либо могла мечтать?

Но вот и шесть часов! Об этом бодрым, приятным перезвоном возвестили церковные колокола, призывая каждого к дневным трудам, как делали это уже сотни лет. Молли вскочила с постели, маленькими босыми ступнями пробежала через комнату, сдернула с подставки на комод платок и вновь увидела капор — обещание праздничного, радостного дня. Она перебежала к окну и, подергав

раму, распахнула его. В саду под окном уже высохла роса на цветах, но влага еще поднималась от высокой травы в сенокосных лугах, что начинались прямо за садовой изгородью. По одну сторону от дома раскинулся городок Холлингфорд, на улицу которого выходила парадная дверь дома мистера Гибсона, и над крышами городка уже курились тонкие струйки и облачка дыма из труб тех домов, где хозяйки успели пробудиться и готовили завтрак для кормильцев семьи.

Все это Молли Гибсон видела, но, видя все это, думала только об одном: «Ах! День будет погожий! А я так боялась, что он никогда-никогда не наступит, а если и наступит, так пойдет дождь».

Сорок пять лет тому назад детские радости в маленьком провинциальном городке были очень просты, и за прожитые Молли долгие двенадцать лет еще ни разу не случалось события столь огромной важности, как то, что приближалось сейчас. Правда, бедняжка уже лишилась матери, что оставило тяжелый след на всей ее жизни, но это едва ли можно назвать событием — в том смысле, в котором слово здесь употреблено, — и к тому же она тогда была еще слишком мала, чтобы вполне осознать случившееся. Радостным же событием, которого она сегодня с нетерпением ожидала, было то, что ей впервые предстояло принять участие в некоем ежегодном празднестве Холлингфорда.

Один край маленького, беспорядочно раскинувшегося городка незаметно переходил в поля и перелески вблизи от сторожки привратника на въезде в обширный парк, где располагалось жилище милорда и леди Камнор — графа и графини, как их именовали в городке, — и где в значительной степени сохранялся феодальный уклад, сказывавшийся во множестве повседневных проявлений, весьма забавных с нынешней точки зрения, но исполненных серьезности и значительности в те дни. Дело было еще до принятия Билля о реформе, но два-три наиболее просвещенных землевладельца в Холлингфорде порой вели между собой долгие беседы либерального толка, а еще в графстве жила большая и влиятельная семья, члены которой принадлежали к партии тори и время от времени соперничали на выборах с вигами Камнорами. Казалось бы, упомянутые выше либерально настроенные жители Холлингфорда могли, по крайней мере в мыслях, допускать возможность отдать голоса Хели-Харрисону и таким образом проявить свою независимость. Ничуть не бывало. Граф был хозяином поместья, владел значительной частью земли, на которой стоял город; его самого и его домочадцев кормили, лечили и по большей части одевали добрые горожане Холлингфорда; их отцы, деды и прадеды всегда голосовали за старшего сына из поместья

Камнор-Тауэрс, и, следуя по стопам предков, каждый горожанин отдавал голос своему сеньору, совершенно не принимая в расчет такую безделицу, как политические убеждения.

В те времена, еще до появления железных дорог, это был отнюдь не редкий пример влияния, каким крупный землевладелец мог пользоваться среди более скромных соседей, и это влияние было благом там, где главенствующее семейство обладало такими достойными нравственными качествами, какими отличались Камноры. Граф и графиня ожидали по отношению к себе безоговорочного послушания, простосердечную любовь горожан принимали как должное и были бы поражены до немоты, застыли бы в изумлении, вспоминая с ужасом о французских санкюлотах, кошмаре их юности, осмелся кто-нибудь из обитателей Холлингфорда противопоставить свое мнение или намерение мнению или намерению графа. Но поскольку желаемое послушание и почтение им оказывали, они многое делали для города, были обычно снисходительны, а часто — внимательны и добры к своим вассалам. Лорд Камнор не был высокомерным хозяином поместья. Порой ему случалось, слегка потеснив управляющего имением, брать бразды правления в свои руки, к немалой досаде агента, который был, к слову сказать, слишком богат и независим, чтобы особенно дорожить местом, где его распоряжения нарушались из-за склонности милорда «совать свой нос куда не надо» (как непочтительно высказывался управляющий в домашнем кругу), каковое выражение означало, что граф сам задавал вопросы своим арендаторам и использовал свидетельство собственных глаз и ушей касательно некоторых мелочей в деле управления своей собственностью. Но арендаторы только больше любили милорда за эту его привычку. Лорд Камнор всегда был не прочь посплетничать, удачно сочетая это с умением уклоняться от личного вмешательства в отношения между старым управляющим и арендаторами. Но надо сказать, графиня своей неподражаемо величественной манерой искупала эту слабость графа. Впрочем, раз в год она склонна была к снисходительности. Вместе с высокородными дамами, своими дочерьми, она открыла школу — не такую, как школы наших дней, где мальчики и девочки из семей фабричных рабочих и мастеровых нередко получают лучшие знания, нежели их более высокородные сверстники. Скорее, эту школу нам бы следовало назвать «трудоу»: в ней девочек обучали искусно шить, быть отменными горничными, неплохими кухарками, но прежде всего опрятно носить своеобразную форменную одежду благотворительного заведения, совместно изобретенную дамами из Камнор-Тауэрса, — белый чепец, белую шейную косынку, клетчатый

передник, синее платье, — вежливо присесть и говорить: «Как прикажете, сударыня», что было de rigueur¹.

Поскольку графиня отсутствовала в Камнор-Тауэрс большую часть года, она бывала рада привлечь к своей школе сочувственный интерес жительниц Холлингфорда, намереваясь прибегать к их помощи в качестве опекунш в те долгие месяцы, на которые вместе с дочерьми покидала поместье. И многие не отягощенные обязанностями дамы из почтенных семейств городка откликались на зов повелительницы, с готовностью предоставляя свои услуги и сопровождая их бурным шепотом суетливых восхвалений. «Как великодушно со стороны графини! Как это похоже на дорогую графиню — всегда думать о других!» и т. д. При этом считалось, что ни один приезжий по-настоящему не видел Холлингфорда, если его не приводили в школу графини и он не проявлял должного восторга при виде аккуратных маленьких учениц и еще более аккуратных образцов их рукоделия, представленных для обозрения. В знак признательности каждое лето назначался торжественный день, когда — с любезным и величавым гостеприимством — леди Камнор и ее дочери принимали всех школьных опекунш в Тауэрс, огромном фамильном доме, стоявшем в аристократическом уединении посреди обширного парка, одна из сторожек которого была обращена в сторону городка. Порядок ежегодного праздника был таков. Около десяти часов утра одна из карет имения выезжала из поместья, направляясь к домам тех жительниц городка, которым хозяйева намеревались оказать честь; их собирали по одной или по две, пока не заполнится карета, затем карета возвращалась в имение через распахнутые ворота, стремительно проезжала по гладкой, окаймленной деревьями дороге, и стайку нарядно одетых дам высаживали на ступени величественной лестницы, ведущей к массивным дверям Камнор-Тауэрс. Затем карета вновь отправлялась в город, чтобы забрать новую группу дам в их лучших нарядах, и возвращалась с ними — и так, пока все общество не собиралось в доме или в прекрасных садах поместья. После демонстрации всевозможных чудес, с одной стороны, и изъявлений восторга — с другой, подавалось угощение, вслед за тем еще некоторое время демонстрировались и вызывали должное восхищение сокровища, находящиеся в доме. Ближе к четверем часам подавали кофе, и это было сигналом к появлению кареты, которая развозила всех гостей по домам, куда они возвращались со счастливым опущением прекрасно и полезно проведенного дня, но и в некотором утомлении от длительного

¹ Непременным правилом (*фр.*).

старания сохранять подобающую обстановке манеру поведения и разговора. Леди Камнор и ее дочери испытывали чувство самодовольства и притом некоторое утомление, каковые всегда следуют за сознательными усилиями вести себя так, чтобы доставить наибольшее удовольствие обществу, в котором находишься. Впервые в жизни Молли Гибсон предстояло оказаться в числе гостей в Камнор-Тауэрс. Она была еще слишком мала для того, чтобы опекать школу, так что оказаться в поместье ей предстояло по другому поводу. Случилось, что однажды лорд Камнор, в очередной раз отправившись «совать свой нос куда не надо», повстречал мистера Гибсона, известного всей округе врача, когда тот выходил из дома одного фермера, как раз навстречу входящему туда милорду. Желая задать доктору один небольшой вопрос (лорд Камнор редко упускал возможность, встретив знакомого, задать ему какой-нибудь вопрос, не всегда выслушивая ответ, — такова была его манера беседовать), он дошел вместе с доктором до сарая, где к металлическому кольцу в стене была привязана докторская лошадь. Там же, сидя прямо и уверенно на своем маленьком лохматом пони, дожидалась отца Молли. Серьезные глаза девочки удивленно и широко раскрылись при появлении и явном приближении графа: в ее детском представлении этот седовласый, краснолицый, несколько неуклюжий человек был чем-то средним между архангелом и королем.

— Ваша дочка, Гибсон? Славная девчушка. Сколько лет? Пони, однако, неухоженный, — добавил он, похлопывая пони по спине. — Как тебя зовут, моя милая? Как я сказал, у него, к сожалению, большая задолженность по арендной плате, но если он действительно болен, то надо мне приглядеть за Шипшенксом — а то он уж больно суров в деловых вопросах. Так что у него за болезнь? А ты приезжай к нам на школьный прием в четверг, крошка, — как тебя зовут? непременно пришлите ее или привезите, Гибсон. И поговорите со своим конюхом — я уверен, этого пони в прошлом году не подпаливали, ведь так? Не забудь про четверг, малышка, — как тебя зовут? — мы с тобой договорились, верно?

И граф поспешил прочь, заметив в дальнем конце двора старшего сына фермера.

Мистер Гибсон сел в седло, и они с Молли отправились в путь. Некоторое время ехали молча. Потом она негромко и несколько робко спросила:

— Можно мне поехать, папа?

— Куда, дорогая? — спросил он, отвлекаясь от своих профессиональных забот.

— В Камнор-Тауэрс, в четверг, ты же слышал. Этот джентльмен, — она стеснялась произносить его титул, — пригласил меня.

— А тебе хотелось бы, дорогая? Мне всегда казалось, что это довольно утомительное развлечение — утомительный день, я хочу сказать... начинается так рано... и жара, и все прочее...

— О папа! — укоризненно сказала Молли.

— Так, значит, ты хотела бы поехать?

— Да, если можно! Ты же слышал — он меня пригласил. Как ты думаешь — можно? Он меня целых два раза пригласил.

— Ну что ж, давай посмотрим, что тут у нас получается... Да, я думаю, мы как-нибудь это устроим, если тебе так хочется, Молли.

Потом они снова замолчали. Спустя некоторое время Молли сказала:

— Как ты решишь, папа... я и правда хочу поехать... но это для меня не так уж важно.

— Звучит несколько запутанно. Но я полагаю, ты хочешь сказать, что готова не ехать, если окажется затруднительно тебя туда доставить. Это я, однако, легко смогу устроить. Так что считай дело решенным. Не забудь — тебе понадобится белое платье. Лучше всего скажи Бетти, что тебя пригласили, а она позаботится о том, чтобы ты выглядела опрятно.

Мистеру Гибсону нужно было предпринять кое-какие шаги, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно относительно поездки Молли на празднество в Тауэрс, и каждый из них требовал с его стороны некоторых хлопот. Но ему очень хотелось порадовать дочку, и потому на следующее утро он отправился верхом в Тауэрс под предлогом визита к заболевшей горничной, на самом же деле — чтобы попасться на глаза миледи и получить от нее подтверждение приглашения, сделанного Молли лордом Камнором. Время для этого он выбрал с врожденной дипломатичностью, к которой, сказать по правде, часто прибегал в своих сношениях с этим знатным семейством. Он въехал на конюшенный двор около двенадцати часов, незадолго до второго завтрака, но уже после того, как улеглось волнение, связанное с прибытием почты и обсуждением содержимого почтовой сумки. Поставив лошадь в конюшню, он вошел в дом через заднюю дверь: с этой стороны он назывался «Домом», а с парадного фасада — «Тауэрс». Он навестил свою пациентку, дал необходимые указания экономке, а затем отправился, неся в руке редкий полевой цветок, на поиски одной из молодых дам Трэнмир в сад, где — как он ожидал и рассчитывал — оказалась и леди Камнор. Она попеременно пересказывала дочери содержание только что вскрытого письма, которое

держала в руке, и давала садовнику указания относительно высаживаемых в грунт растений.

— Я приехал проведать Нэнни и воспользовался случаем, чтобы привезти леди Агнес растение, которое, как я ей говорил, растет на Камнорском болоте.

— Я вам очень благодарна, мистер Гибсон. Мама, взгляните! Это та самая *Drosera rotundifolia*, которую я так долго хотела найти.

— Да, в самом деле, очень мила — только ведь я ничего не понимаю в ботанике. Няне, я надеюсь, уже лучше? Мы никак не можем допустить, чтобы хоть кто-то из прислуги болел на будущей неделе, — дом будет полон людей, а тут еще Дэнби готовятся нагряться. Приезжаем сюда на Троицу побыть две недели в тишине и покое, оставив половину прислуги в городе, но едва пройдет слух, что мы здесь, как начинаются бесконечные письма о том, как все жаждут глотка свежего воздуха или как, должно быть, прекрасно в Тауэрс весной. И должна сказать, во всем этом виноват в первую очередь лорд Камнор: как только мы здесь оказываемся, он тут же начинает объезжать всех соседей и приглашать их приехать и погостить несколько дней.

— Мы вернемся в город в пятницу, восемнадцатого числа, — сказала леди Агнес тоном утешения.

— Ах да! Как только справимся с этим приемом для школьных опекунов. Но до этого счастливого дня еще целая неделя.

— Да, кстати, — сказал мистер Гибсон, воспользовавшись удачным поворотом в беседе. — Я встретил вчера милорда на ферме Кросс-Триз, и он был так добр, что пригласил мою дочурку, которая была со мной, приехать сюда на прием в четверг. Для девочки, я уверен, это было бы большой радостью.

— Ну что же, если милорд позвал ее, я полагаю, она может приехать, но я бы предпочла, чтобы он иногда поумерил свое гостеприимство! Не то что мы не рады вашей девочке, но вы знаете, на днях он встретил младшую мисс Браунинг, о существовании которой я прежде никогда не слыхала.

— Она опекает школу, мама, — сказала леди Агнес.

— Ну, возможно, и так. Я ведь не говорю, что она этого не делает. Я знала, что есть одна опекунша по фамилии Браунинг, но я понятия не имела, что их две. Но уж конечно, как только лорд Камнор услышал, что есть еще вторая, ему непременно понадобилось пригласить и ее; теперь придется посылать карету туда и обратно четыре раза, чтобы всех их привезти. Так что ваша дочка, мистер Гибсон, вполне может приехать, и я буду очень рада повидать ее ради вас. Я надеюсь,

она сможет поместиться между этими двумя дамами Браунинг? Договоритесь с ними. И непременно поставьте няню на ноги к будущей неделе.

Когда мистер Гибсон уже уходил, леди Камнор окликнула его вдогонку:

— О! Между прочим, Клэр здесь — вы ведь помните Клэр? Когда-то давно она была вашей пациенткой.

— Клэр? — повторил он недоумевающим тоном.

— Разве вы ее не помните? Мисс Клэр, наша бывшая гувернантка, — сказала леди Агнес. — Служила у нас лет двенадцать или четырнадцать тому назад, еще до замужества леди Каксхейвен.

— Ах да, — вспомнил он. — Мисс Клэр, которая перенесла скарлатину. Очень хрупкая девушка. Но мне помнится, она вышла замуж.

— Да, — сказала леди Камнор. — Эта глупышка не ценила того, что имеет, а ведь мы все так любили ее. Взяла и вышла замуж за бедного викария и стала зваться миссис Киркпатрик, но мы всегда продолжали называть ее Клэр. А потом он умер, оставил ее вдовой, и теперь она гостит здесь у нас, а мы все ломаем голову, как бы помочь ей найти возможность зарабатывать на жизнь, не разлучаясь с ребенком. Она где-то здесь, в саду, если пожелаете возобновить знакомство.

— Благодарю вас, миледи. К сожалению, сейчас не смогу. У меня сегодня много визитов. Боюсь, я и так уже непростительно долго здесь задержался.

Как ни длительна была его поездка в этот день, вечером он все же посетил обеих мисс Браунинг, чтобы договориться о совместном с ними визите Молли в Тауэрс. Сестры, высокие, привлекательные дамы не первой молодости, никогда не упускали случая оказать любезность доктору-вдовцу.

— Ах господи! Мистер Гибсон, да мы будем просто в восторге, если она поедет с нами. О чем тут спрашивать? — сказала старшая мисс Браунинг.

— Я, право, ночами не сплю — так жду этой поездки, — сказала мисс Фиби. — Знаете, я ведь никогда там прежде не бывала. Сестра ездила туда много раз, но вот каким-то образом, хотя мое имя значится в списке опекунов целых три года, графиня никогда не упоминала меня в своей записке, а вы ведь понимаете: я не могла взять да и поехать в такое место сама, без всякого приглашения, — правда же?

— Я говорила Фиби в прошлом году, — вмешалась ее сестра, — что это всего лишь недосмотр, если можно так выразиться, со стороны графини и что ее светлость будет очень огорчена, когда не увидит

Фиби среди школьных опекунш, но, видите ли, Фиби очень деликатна, мистер Гибсон, и, как я ее ни убеждала, она так и не захотела поехать и осталась дома, и уверяю вас, все удовольствие в тот день было для меня омрачено воспоминанием о лице Фиби: когда я уезжала, она стояла у окна, чуть не плача, — вы просто не поверите.

— Я действительно поплакала, когда ты уехала, Салли, — сказала мисс Фиби. — Но все равно, по-моему, я была права, что не поехала, если меня не звали. Правда, мистер Гибсон?

— Безусловно, — ответил он. — И видите, вы едете туда в этом году, а в прошлом году в тот день шел дождь.

— Да-да! Я помню! Я тогда стала наводить порядок у себя в ящиках комода, чтобы взять себя в руки, так сказать, и была настолько занята этим, что даже вздрогнула, когда услышала, как дождь барабанит в окна. «Боже мой! — подумала я. — Что будет с сестрицыными атласными белыми туфельками, если ей придется ходить по мокрой траве после такого дождя?» Знаете, я так восхищалась ее элегантными туфельками, а она взяла да и подарила мне в этом году белые атласные туфельки, точь-в-точь как у нее.

— Молли должна надеть лучшее из того, что у нее есть, — сказала старшая мисс Браунинг. — Мы бы могли, если она захочет, одолжить ей какие-нибудь бусы или искусственные цветы.

— Молли поедет в опрятном белом платье, — сказал мистер Гибсон с некоторой поспешностью, поскольку не разделял представления сестер Браунинг о хорошем вкусе и не желал, чтобы его девочка была одета в соответствии с их предпочтениями. Сам он предпочитал вкус своей старой служанки Бетти как более подходящий — оттого что более простой.

В голосе мисс Браунинг прозвучал легчайший оттенок недовольства, когда она, выпрямив спину, сказала:

— Ну что ж, хорошо. Стало быть, так.

А мисс Фиби добавила:

— Молли всяко будет выглядеть очень мило, в чем бы она ни была, — уж это точно.

Глава 2

ВПЕРВЫЕ В ВЕЛИКОСВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В десять часов утра долгожданного четверга карета из Камнор-Тауэрс отправилась в путь. Молли была готова задолго до первой поездки, хотя было условлено, что за ней и сестрами Браунинг при-

едут не раньше последнего, четвертого захода. Ее лицо, отмытое до блеска, сияло чистотой; кружевные панталончики, платье, ленты были белы как снег. На плечах лежала черная накидка, прежде принадлежавшая матери, вся обшитая пышным кружевом и казавшаяся причудливой и старомодной на ребенке. Впервые в жизни на руках ее были лайковые перчатки — до сих пор она носила только нитяные. Перчатки были слишком велики для ее маленьких, в ямочках рук, но, поскольку, как сказала Бетти, новые ей еще когда купят, все было хорошо. От долгого утреннего ожидания ее то и дело охватывала дрожь, а раз она даже чуть не потеряла сознание. Сколько бы Бетти ни твердила ей, что котелок не закипит, покуда на него смотришь, Молли не отводила глаз от извилистой улицы, и через два часа карета наконец приехала за ней. Ей пришлось сидеть на самом краешке, чтобы не помять новые платья сестер Браунинг, но не слишком выдвигаясь вперед, чтобы не причинить неудобства толстой миссис Гудинаф и ее племяннице, занимавшим переднее сиденье кареты, так что возможность сидеть для нее вообще была весьма сомнительна, и вдобавок к этому Молли чувствовала, что занимает очень заметное место, в самой середине экипажа, привлекая к себе взгляды всего Холлингфорда. День был слишком праздничным, чтобы обычная работа в городке шла своим чередом. Служанки глазели из верхних окон, жены лавочников стояли в дверях, жены работников выбегали из своих домишек с младенцами на руках, а ребяшня, которая была еще слишком мала, чтобы вести себя уважительно при виде графской кареты, провожала ее радостными воплями. Привратница придержала открытые ворота и низко присела перед ливрейными лакеями. Теперь, когда они въехали в парк и впереди показался Камнор-Тауэрс, среди дам в карете воцарилось молчание, прерванное только один раз негромким замечанием племянницы миссис Гудинаф, когда карета остановилась перед двойным полукругом высоких ступеней, ведущих к входным дверям.

— По-моему, это называется «внешняя лестница», не так ли? — спросила эта дама, приехавшая в Холлингфорд из другого города.

Единственным ответом ей было одновременное «ш-ш-ш!» ее спутниц. Молли стало не по себе, и она почти пожалела, что не осталась дома. Но ее стеснительность постепенно прошла, когда все общество отправилось прогуляться по прекрасному поместью, подобного которому она и вообразить не могла. Лужайки зеленого бархата, купающиеся в солнечном свете, тянулись во все стороны, уходя к деревьям искусно разбитого парка; если и были изгороди и разделительные канавы между напоенными солнцем мягкими коврами зеленой

травы и густым сумраком лесных деревьев за ними, Молли они были не видны, а незаметный переход тщательно возделанной красоты в лесное буйство имел для нее неизъяснимое очарование. Около дома были различные стены и изгороди, но их сплошь покрывали вьющиеся розы, жимолость и другие ползучие растения, как раз начинавшие буйно цвести. Были цветочные клумбы — алые, малиновые, голубые, оранжевые россыпи цветов на зелени газонов. Молли крепко держалась за руку мисс Браунинг, пока они бродили по саду в обществе еще нескольких дам, под предводительством одной из дочерей семейства, которую, казалось, слегка забавляли бурные изъяснения восторга по поводу каждого увиденного места и предмета. Молли, как и подобало ее возрасту и положению, не говорила ни слова, но время от времени глубоко вздыхала от всего переполненного сердца. Они подошли к длинному, сверкающему стеклами ряду оранжерей и теплиц, где их ожидал помощник садовника. Оранжереи занимали Молли куда меньше, чем цветы на открытом воздухе, но у леди Агнес был более научный склад ума, и она так долго и подробно повествовала о том, как редко встречается это растение или каких методов культивации требует то растение, что Молли почувствовала сначала сильную усталость, а потом и дурноту. Некоторое время она стеснялась заговорить, но наконец, опасаясь еще большего конфуза, если расплачется или упадет, повалив подставку с драгоценными цветами, она потянула за руку мисс Браунинг и прошептала:

— Можно я выйду на воздух, в сад? Мне здесь трудно дышать!

— Да-да, конечно, милочка. Тебе это все, наверно, еще трудно понимать, дорогая, но это очень интересно и поучительно, и во всем этом очень много латинских слов.

Она поспешно обратилась опять в сторону леди Агнес, чтобы более уже не пропустить ни слова из ее лекции об орхидеях, а Молли повернула назад и вышла из удушливой жары оранжереи. На свежем воздухе она почувствовала себя лучше и — без всякого надзора, на свободе — принялась переходить от одного прелестного уголка к другому, то в открытом парке, то в каком-нибудь уединенном цветнике, где слышно было лишь пение птиц да плеск центрального фонтана и кроны деревьев заключали в кольцо голубое июньское небо. Она шла, не более задумываясь, где находится, чем бабочка, перелетающая с цветка на цветок, пока наконец не устала и ей не захотелось вернуться в дом, но она не знала, как это сделать, а кроме того, боялась встречи со всеми этими незнакомыми людьми, когда рядом не будет ни той ни другой мисс Браунинг. Жаркое солнце до боли напекло ей голову. Она увидела поблизости, на лужайке, могучий, широко

раскинувший ветви кедр. Густая тень под его ветвями манила к себе. В тени стояла грубая скамья. Усталая и обессиленная, Молли опустилась на нее и вскоре уснула.

Проснулась она внезапно и тут же вскочила со скамьи. Рядом стояли две дамы и говорили о ней. Они были ей совершенно незнакомы, и в смутной уверенности, что сделала что-то недозволенное, а также изнуренная голодом, усталостью и утренними волнениями, она расплакалась.

— Бедная девочка! Заблудилась. Она, я уверена, приехала с кем-то из Холлингфорда, — сказала та дама, что выглядела постарше.

Ей, казалось, было около сорока, хотя на самом деле — не более тридцати лет. У нее были грубоватые черты и весьма суровое выражение лица, одета она была в чрезвычайно роскошное утреннее платье. Ее низкий, невыразительный голос в иных кругах общества назвали бы грубым, но такое определение было неприменимо к леди Каксхейвен, старшей дочери графа и графини. Другая дама выглядела моложе, но была в действительности несколькими годами старше. По первому взгляду на нее Молли подумала, что никого красивее еще никогда не видала, и дама в самом деле была очаровательна. И голос ее был мягким и сострадательным, когда она ответила леди Каксхейвен:

— Бедняжка, она явно перегрелась, да еще в таком тяжелом и плотном капоре. Дай-ка я развяжу его, моя милая.

Молли решила объяснить:

— Я Молли Гибсон. Я приехала сюда с двумя мисс Браунинг.

Более всего она страшилась, что ее сочтут незванным гостем.

— Мисс Браунинг? — спросила леди Каксхейвен, обращаясь к своей спутнице.

— Я думаю, это те две высокие, полные молодые женщины, о которых говорила леди Агнес.

— А, очень может быть. Я видела, как она взяла несколько человек на свое попечение. — Потом, снова взглянув на Молли, леди Каксхейвен спросила: — Ты что-нибудь ела, дитя, с тех пор как приехала? Ты очень бледна. Или это от жары?

— Я совсем ничего не ела, — жалобно сказала Молли; до того как заснула, она и в самом деле была очень голодна.

Дамы тихо посоветались, и старшая властным голосом, каким она, кстати сказать, все время и говорила со своей спутницей, сказала:

— Посиди здесь, дорогая, а мы вернемся в дом, и Клэр принесет тебе что-нибудь поесть прежде, чем ты попытаешься дойти обратно, — тут не меньше четверти мили.

Они ушли, а Молли осталась сидеть смиренно, ожидая обещанного посланца. Она не знала, кто такая Клэр, и ей уже не очень хотелось есть, но она чувствовала, что не сможет дойти сама, без чьей-нибудь помощи. Наконец она увидела, что красивая дама возвращается в сопровождении лакея с небольшим подносом.

— Посмотри, как добра леди Каксхейвен, — сказала та, которую звали Клэр. — Она сама собрала для тебя этот дивный второй завтрак. А теперь постарайся съесть его, и тебе сразу станет лучше, дорогая... Можете не ждать, Эдвардс, я захвачу с собой поднос.

На подносе лежали хлеб, холодная курятина и кисть винограда, стояли варенье, стакан вина и бутылка газированной воды. Молли протянула маленькую, дрожащую руку к воде, но оказалась слишком слаба, чтобы удержать бутылку. Клэр поднесла воду к ее губам, и Молли сделала большой глоток, который освежил ее. Но есть она не смогла — попыталась, но не смогла. У нее слишком болела голова. У Клэр был растерянный вид.

— Поешь хотя бы винограда — он тебе сейчас полезнее всего. Ты должна непременно постараться что-нибудь съесть, иначе я не знаю, как мне с тобой добраться до дома.

— У меня так болит голова, — сказала Молли, с трудом поднимая на нее печальный взгляд.

— О боже, как это некстати! — сказала Клэр все тем же мягким и нежным голосом, совсем не так, как если бы она сердилась, а лишь высказывая очевидную истину. Молли почувствовала себя очень виноватой и очень несчастной. Клэр продолжала с легким оттенком раздражения в голосе: — Видишь ли, я просто не знаю, как мне с тобой быть, если ты не поешь так, чтобы у тебя хватило сил дойти до дома. Я эти три часа бегаю из конца в конец по всему парку и устала — сказать не могу как и завтрак пропустила и все на свете. — Потом, словно ее осенила новая мысль, она предложила: — Ты приляг на эту скамью на несколько минут и постарайся съесть виноград, а я тебя подожду и тем временем смогу слегка перекусить. Ты в самом деле не хочешь курятины?

Молли послушалась и, лежа на скамье, пощипывала виноград и наблюдала, с каким аппетитом дама справилась с курятиной и вареньем, а также выпила стакан вина. Она была так хороша и изящна в своем глубоком трауре, что даже ее поспешность в еде — как будто она опасалась, что кто-то придет и застанет ее врасплох за этим занятием, — не помешала маленькой наблюдательнице восхищаться ею и всем, что она делает.

— А теперь, дорогая, ты готова идти? — спросила дама, доев все, что было на подносе. — Я смотрю, ты почти прикончила виноград —

вот и славно. Теперь, если ты дойдешь со мной до бокового входа, я отведу тебя ко мне в комнату, и там ты приляжешь на часок-другой, а если поспишь, твоя головная боль совсем пройдет.

Они отправились в путь. Клэр несла поднос, отчего Молли чувствовала себя неловко, но не решалась предложить свою помощь, потому что дорога отнимала у нее все силы. «Боковым входом» был лестничный марш, ведущий из закрытого для посторонних цветника в выстланный циновками холл, или прихожую, куда выходило множество дверей и где хранились легкие садовые инструменты, а также луки и стрелы, принадлежавшие молодым дамам семейства. Леди Каксхейвен, должно быть, видела, как они подходили к дому, поскольку встретила их в холле, как только они вошли.

— Как она себя чувствует? — спросила леди Каксхейвен, а затем, взглянув на пустые тарелки и стаканы, добавила: — Смотрите-ка, я вижу, это оказалось совсем не лишним! Вы, Клэр, добры, как всегда, но все же надо было предоставить кому-нибудь из слуг нести этот поднос — в такую жару жизнь и без того тяжела.

Молли хотелось бы, чтобы ее очаровательная провожатая сказала леди Каксхейвен, что сама помогла ей справиться с обильным завтраком, но той подобная мысль, казалось, и в голову не пришла. Она лишь проговорила:

— Бедняжка! Она еще не вполне оправилась — говорит, что у нее болит голова. Я хочу уложить ее у себя в комнате — пускай поспит немного.

Молли, проходя мимо леди Каксхейвен, заметила, как та что-то с усмешкой сказала Клэр, и девочка невольно мучилась мыслью, что сказанное звучало удивительно похоже на «Переела, я полагаю», однако ей было слишком нехорошо, чтобы долго терзаться этим, и, при ее головной боли, небольшая белая кровать в прохладной и приятной комнате выглядела так отрадно... Муслиновые занавеси время от времени мягко вздымались, и напоенный ароматами цветов воздух проникал в комнату через открытые окна. Клэр укрыла ее легкой шалью и задернула шторы. Когда она выходила из комнаты, Молли приподнялась на кровати и сказала:

— Пожалуйста, сударыня, сделайте так, чтобы они не уехали без меня. Попросите, пожалуйста, кого-нибудь разбудить меня, если я усну. Я должна вернуться вместе с обеими мисс Браунинг.

— Не беспокойся, милая. Я обо всем позабочусь, — сказала Клэр, обернувшись в дверях и посылая маленькой встревоженной Молли воздушный поцелуй. Затем она ушла и больше уже о девочке не думала.

Карета подъехала к половине пятого, немного раньше обычно, по приказанию леди Камнор, которая внезапно почувствовала усталость от обязанности развлекать гостей и раздражение от их бесконечных восторгов по поводу всего без разбора.

— Почему бы не отправить обе кареты, мама, и не избавиться от них от всех разом? — сказала леди Каксхейвен. — Эта рассылка группами невообразимо утомительна.

И в конце концов, без всякой методы и с великой поспешностью, гостей отправили по домам всех разом. Старшая мисс Браунинг поехала в карете, а мисс Фиби вместе с несколькими другими дамами разместили в просторном семейном экипаже из тех, что сейчас мы назвали бы «омнибусом». Каждая из сестер была уверена, что Молли Гибсон поехала с другой, тогда как в действительности она в это время крепко спала на кровати миссис Киркпатрик, урожденной Клэр.

Наконец горничные пришли прибрать в комнате. Их разговор разбудил Молли, и она села на кровати, пытаясь убрать волосы со вспотевшего лба и понять, где находится. Она соскочила на пол и спросила у изумленных женщин:

— Скажите, пожалуйста, когда мы уедем домой?

— Господи спаси и помилуй! Кто бы мог подумать, что здесь кто-то есть! Вы приехали с дамами из Холлингфорда, дорогая? Они уже больше часа как уехали!

— Ой! Что же делать? Дама, которую зовут Клэр, обещала разбудить меня вовремя. Папа будет беспокоиться, где я, а что скажет Бетти — я просто не знаю!

Девочка расплакалась, и горничные обеспокоенно и с явным сочувствием переглянулись. И в эту минуту из коридора слышались приближающиеся шаги миссис Киркпатрик. Она негромким и мелодичным голосом напевала какую-то итальянскую песенку, направляясь в свою спальню, чтобы переодеться к обеду. Одна горничная сказала, многозначительно взглянув на другую: «Лучше предоставить это ей», и они пошли заниматься своим делом в другие комнаты.

Миссис Киркпатрик открыла дверь и остолбенела при виде Молли.

— Боже мой! Я совсем забыла про тебя! — произнесла она наконец. — Нет-нет, только не плачь, а то станешь совсем некрасивой. Конечно, я должна уладить то, что ты проспала, и, если мне не удастся отправить тебя в Холлингфорд сегодня, ты останешься ночевать у меня, а завтра утром мы уж как-нибудь постараемся отправить тебя домой.

— А как же папа? — со слезами воскликнула Молли. — Он любит, чтобы я готовила для него чай. И ночной рубашки у меня нет.

— Давай не будем устраивать трагедию из того, что сейчас не исправить. Я одолжу тебе ночную рубашку и все, что нужно на ночь, а твой папа как-нибудь сегодня обойдется без приготовленного тобой чая. А ты постарайся в другой раз не проспать в чужом доме — не всегда повезет оказаться среди таких гостеприимных людей, как здесь. И вот что: если ты перестанешь плакать и будешь себя хорошо вести, я попрошу для тебя разрешения прийти к десерту вместе с молодым мистером Смитом и младшими барышнями. Ты пойдешь в детскую и выпьешь с ними чая, а потом ты должна вернуться сюда, причесаться и привести себя в порядок. По-моему, для тебя большая удача побывать в таком великолепном доме. Многие маленькие девочки могут только мечтать об этом.

Все это она говорила, переодеваясь к обеду — снимая утреннее черное платье, накидывая халат, распуская по плечам длинные мягкие каштановые волосы, оглядывая комнату в поисках различных деталей туалета, — и речь ее лилась потоком, легко и непринужденно.

— У меня своя маленькая дочка, дорогая! Она бы что угодно отдала за то, чтобы жить здесь, в доме лорда Камнора, вместе со мной, а вместо этого она вынуждена проводить каникулы в школе, а у тебя такой грустный вид из-за того только, что тебе придется задержаться здесь на одну ночь. Я действительно была ужасно занята с этими утомительными... я хочу сказать — с этими добрыми дамами из Холлингфорда, и нельзя же помнить обо всем сразу.

Молли — в конце концов, она была всего лишь ребенок — при упоминании о маленькой дочке миссис Киркпатрик перестала плакать и отважилась спросить:

— Вы замужем, сударыня? Мне показалось, она называла вас Клэр.

Миссис Киркпатрик отозвалась с веселым оживлением:

— Правда, я не похожа на замужнюю женщину? Все удивляются. И однако, я вдова вот уже семь месяцев. У меня нет ни одного седого волоса, а у леди Каксхейвен, хотя она моложе меня, их сколько угодно.

— А почему они называют вас «Клэр»? — спросила Молли, ободренная ее добродушием и разговорчивостью.

— Потому что я жила у них, когда еще была мисс Клэр. Не правда ли, приятное имя? Я вышла замуж за мистера Киркпатрика. Он был всего лишь викарий, бедняга, но из очень хорошей семьи, и, если

бы трое из его родственников умерли бездетными, я была бы женой баронета. Но Провидение не сочло это возможным, а мы всегда должны покоряться тому, что им предназначено. Два его двоюродных брата женились, обзавелись большими семьями, а бедный дорогой Киркпатрик умер, оставив меня вдовой.

— И у вас маленькая дочка? — спросила Молли.

— Да — моя милая Синтия. Жаль, что вы не можете познакомить-ся. Она теперь мое единственное утешение. Я покажу тебе ее портрет, когда будем ложиться спать, но сейчас мне пора идти. Нельзя за-ставлять леди Камнор ждать, а она просила меня спуститься вниз пораньше и помочь занять некоторых гостей. Я сейчас позвоню в этот колокольчик, и, когда придет горничная, попроси ее, чтобы она отвела тебя в детскую и сказала няне, которая служит у леди Какс-хейвен, кто ты. И тогда ты будешь пить чай с маленькими барышня-ми, а потом придешь вместе с ними к десерту. Ну вот. Мне жаль, что ты проспала и о тебе забыли, но поцелуй меня и больше не плачь — ты ведь довольно привлекательная девочка, хотя и не такая яркая, как Синтия... Ах, вот и вы, няня! Будьте так добры, отведите эту юную леди — как твоя фамилия, моя дорогая? Гибсон? — мисс Гиб-сон к миссис Дайсон, в детскую, и попросите, чтобы она позволила ей выпить там чая вместе с молодыми барышнями и послала вместе с ними к десерту. Я сама все объясню миледи.

Сумрачное лицо няньки просветлело, когда она услышала фа-милию Гибсон, и, получив от Молли подтверждение, что та действи-тельно «докторская дочка», она проявила гораздо большую готов-ность исполнить распоряжение миссис Киркпатрик, чем проявля-ла обычно.

Молли была услужливой девочкой и любила детей. Так что, пока она находилась в детской, все шло хорошо: она была послушна ука-заниям верховной власти и даже оказалась полезной для миссис Дай-сон, развлекая простенькими фокусами самого младшего из детей, пока его братьев и сестер наряжали в кружева и муслин, бархат и ши-рокие блестящие ленты.

— Ну, мисс, — сказала миссис Дайсон, когда все ее подопечные были готовы, — могу я что-нибудь сделать для вас? У вас ведь нет с собой другого платья, не так ли?

Разумеется, другого платья у нее здесь не было, а если бы и ока-залось, то нисколько не наряднее, чем это — из плотной белой кисеи. Поэтому она лишь вымыла лицо и руки и позволила няне расчесать и надушить ей волосы. Ей казалось, что лучше бы уж она осталась на всю ночь в парке и спала под красивым и спокойным кедром, чем

подвергаться непонятному испытанию, которое называлось «прийти к десерту» и явно считалось как у детей, так и у нянек главным событием дня. Наконец появился лакей с приглашением, и миссис Дайсон, шелестя шелковым платьем, призвала под свои знамена сопровождающих и возглавила шествие к дверям столовой.

В ярко освещенной комнате за накрытым столом расположилось большое общество. Нарядные маленькие детишки мгновенно разбежались к матерям, к тетушкам, к друзьям, и только Молли не к кому было бежать.

— Что это за высокая девочка в грубом белом платье? Она ведь не член семьи, я полагаю?

Дама, к которой обращен был вопрос, поднесла к глазам лорнет, посмотрела на Молли и опустила его:

— Должно быть, француженка. Я знаю, что леди Каксхейвен искала девочку-француженку, чтобы она воспитывалась вместе с ее дочерьми и они бы с детства усвоили хорошее произношение. Бедняжка, у нее такой странный, неужоженный вид!

Говорившая, которая сидела рядом с лордом Камнором, сделала Молли знак подойти. Молли пробралась к ней, как в спасительную гавань. Но когда дама заговорила с ней по-французски, она густо покраснела и очень тихо сказала:

— Я не понимаю по-французски. Я просто Молли Гибсон, сударыня.

— Молли Гибсон! — громко произнесла дама таким тоном, словно это многое объясняло.

Лорд Камнор услышал слова и тон, каким они были сказаны.

— Вот оно что! — воскликнул он. — Так это ты — та маленькая девочка, что спала на моей постели?

Этот вопрос он задал, подражая зычному голосу медведя из сказки, но Молли, не читавшая «Трех медведей», вообразила, что он разгневан всерьез и, дрожа, придвинулась ближе, словно ища убежища, к той доброй даме, что подозвала ее к себе. Лорд Камнор имел обыкновение, набредая на то, что считал шуткой, не упускать ее, пока она не износится до дыр, и все то время, что дамы оставались в комнате, он не давал Молли пощады, поминая Спящую красавицу, Семерых спящих и всех прочих знаменитых спящих, что приходили ему на память. Он и понятия не имел, как мучительны были его шутки для впечатлительной девочки, которая и так уже считала себя жалкой грешницей оттого, что не сумела вовремя проснуться. Если бы Мол-

ли умела сопоставлять факты, она легко нашла бы для себя оправдание, припомнив, что миссис Киркпатрик твердо обещала вовремя ее разбудить, но девочка думала лишь о том, что никому не нужна в этом роскошном доме и всем кажется незваной гостьей, которой здесь нечего делать. Раз или два она принималась гадать, где сейчас отец и скучает ли по ней, но, представив себе знакомую счастливую обстановку родного дома, она почувствовала комок в горле и, опасаясь расплакаться, поняла, что не должна давать воли своим чувствам. При этом инстинкт подсказывал ей, что раз уж она оказалась в Тауэрс, то чем меньше беспокойства она причинит, чем меньше будет на виду, тем лучше.

Она последовала за дамами, выходящими из столовой, робко надеясь, что никто ее присутствия не заметит. Но это оказалось невозможным: она сейчас же сделалась предметом разговора между устрашающей леди Камнор и ее доброй соседкой за столом.

— Вы знаете, я приняла эту юную леди за француженку, как только ее увидела. У нее темные волосы и ресницы и бледное лицо — это можно встретить в некоторых частях Франции. А я знаю, что леди Каксхейвен пыталась найти образованную девушку в качестве компаньонки ее детям.

— Нет! — отозвалась леди Камнор с очень суровым видом, как показалось Молли. — Она дочь нашего доктора из Холлингфорда, приехала сегодня утром со школьными опекунами, перегрелась на солнце, уснула в комнате у Клэр и умудрилась проспать — проснулась, когда все кареты уже были отправлены. Мы отошлем ее домой завтра утром, но сегодня пришлось оставить ее здесь. Клэр была так добра, что предложила на ночь взять ее к себе.

Все это было сказано обвинительным тоном, от которого у Молли по всему телу пошли мурашки. В эту минуту к ней подошла леди Каксхейвен. У нее был такой же низкий голос и такая же резкая и властная манера речи, как у матери, но за ними Молли почувствовала несравненно большую доброту.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? Вид у тебя сейчас получше, чем был тогда, под кедром. Так, значит, сегодня ты останешься здесь? Клэр, как вы думаете — сможем мы найти среди книг с гравюрами что-нибудь интересное для мисс Гибсон?

Миссис Киркпатрик скользкой походкой поспешила туда, где стояла Молли, всячески выказывая ей словами и жестами ласковое внимание, пока леди Каксхейвен перебирала тяжелые фолианты, отыскивая то, что могло бы заинтересовать девочку.

— Бедняжка! Я видела, как ты входила в столовую с застенчивым видом. Мне хотелось подозвать тебя, но я не могла сделать тебе знак — лорд Каксхейвен как раз рассказывал мне о своих путешествиях. Ах, вот отличная книга — «Портреты» Лоджа¹. Давай-ка я сяду рядом с тобой и буду тебе рассказывать, кто это и что о них известно. Не затрудняйте себя, дорогая леди Каксхейвен, — я займусь ею. Пожалуйста, предоставьте ее мне!

От последних ее слов Молли бросило в жар. Лучше бы они оставили ее в покое, не старались изо всех сил проявлять к ней доброту, «не затрудняли бы себя» ради нее! От этих слов миссис Киркпатрик она, казалось, утратила благодарность, которую чувствовала к леди Каксхейвен, старавшейся чем-нибудь развлечь ее. Конечно же, она для них обуза, и ей вообще не следовало здесь быть.

Вскоре миссис Киркпатрик позвали сопровождать пению леди Агнес, и Молли удалось по-настоящему хорошо провести несколько минут. Она могла, никем не замечаемая, оглядывать комнату, и уж конечно, нигде, кроме как в доме у короля, не могло быть ничего роскошнее и великолепнее. Большие зеркала, бархатные занавеси, картины в золоченых рамах и множество хрустальных люстр украшали просторный салон, где группами располагались леди и джентльмены в блистательных туалетах. Молли вдруг вспомнила о детях, вместе с которыми входила в столовую и к числу которых, как считалось, принадлежала, — где они? Ушли спать час назад по молчаливому сигналу матери. Молли подумала: а не могла бы и она уйти, если только сумеет найти дорогу назад, в безопасное убежище — спальню миссис Киркпатрик? Но она сидела на некотором расстоянии от двери, вдали от миссис Киркпатрик, с которой чувствовала себя более связанной, чем с кем-либо другим, и далеко от леди Каксхейвен, от грозной леди Камнор и добродушного шутника-лорда. Поэтому Молли оставалась на месте, переворачивая страницы с картинками, которых не видела, и от покинутости среди всего этого великолепия на сердце у нее становилось все тяжелее и тяжелее. Вошел лакей и, оглядевшись, направился к миссис Киркпатрик, которая сидела за роялем, в центре музыкального кружка, с готовностью сопровождая каждого певцу, приятно улыбаясь и охотно исполняя все пожелания. Теперь же эта дама направилась в уголок, где сидела Молли, и сказала:

¹ Имеется в виду иллюстрированный биографический справочник «Портреты замечательных людей Великобритании, с биографическими и историческими заметками об их жизни и деяниях» (1814). Автор текстов — английский биограф и знаток геральдики Эдмунд Лодж (1756–1839). — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ты знаешь, дорогая, за тобой приехал твой папа и привел с собой пони, чтобы отвезти тебя домой. Получается, что я теряю свою маленькую соседку — ведь тебе, я полагаю, надо ехать?

Ехать! Какой мог быть вопрос? Молли вскочила, дрожа от нетерпения, сияющая, готовая закричать от радости. Но следующие слова миссис Киркпатрик привели ее в чувство:

— Нужно подойти к леди Камнор, дорогая, пожелать ей доброй ночи и поблагодарить ее светлость за доброту. Она стоит возле той статуи и разговаривает с мистером Куртенэ.

Да! Там она и стояла — в сорока шагах — в сотне миль отсюда! Нужно было пересечь все это пустое пространство и обратиться к ней!

— Это непременно нужно? — жалобно и умоляюще спросила Молли.

— Да. И поторопись, ведь в этом нет ничего ужасного, — сказала миссис Киркпатрик несколько резче, чем прежде, — не забывая, что ее ждут у рояля, и торопясь поскорее сложить с себя свою обязанность.

Молли молча постояла с минуту, а потом, подняв на нее глаза, тихо спросила:

— Пожалуйста, не могли бы вы пойти вместе со мной?

— Хорошо, пойдем, — сказала миссис Киркпатрик, видя, что ее согласие будет, пожалуй, наилучшим способом поскорее закончить дело. Она взяла Молли за руку и по пути, проходя мимо группы людей у рояля, с улыбкой произнесла в своей очаровательно-светской манере: — Наша маленькая приятельница застенчива и скромна, и она хочет, чтобы я проводила ее к леди Камнор пожелать ей доброй ночи. За ней приехал ее отец, и она уезжает.

Что было после, Молли уже не узнала, потому что при этих словах она вырвала руку у миссис Киркпатрик и, шагнув в сторону леди Камнор, великолепной в своем лиловом бархате, сделала реверанс — почти как школьница — и сказала:

— Миледи, приехал мой папа, и я уезжаю, и я желаю вам доброй ночи, миледи, и благодарю вас за вашу доброту. То есть, я хочу сказать — за доброту вашей светлости, — поправились она, припомнив наставления сестер Браунинг относительно требований этикета при обращении к графам, графиням и их достопочтенным потомкам, полные утомленные утром по дороге в Тауэрс.

Она выбралась каким-то образом из салона, и, когда впоследствии думала об этом, ей казалось, что она так и не простилась ни с леди Каксхейвен, ни с миссис Киркпатрик, ни «со всеми прочими», как непочтительно определила их про себя.

Мистер Гибсон сидел у экономки; и вот Молли вбежала в комнату, приведя в некоторое замешательство величавую миссис Браун. Она обвила руками шею отца:

— О папа, папа, папа! Я так рада, что ты приехал. — И она расплакалась, почти истерически глядя руками его лицо, словно желая увериться, что он здесь.

— Ну какая ты глупышка, Молли! Не думала же ты, что я оставляю свою девочку на всю жизнь в Тауэрс? Ты поднимаешь такой шум из-за того, что я приехал за тобой, как будто так и подумала. Собирайся поскорее. И надень свой капор. Миссис Браун, не найдется ли у вас шали, или пледа, или какой-нибудь накидки, которую можно было бы надеть вместо нижней юбки и заколоть булавкой?

Он ни словом не упомянул о том, что вернулся домой с долгого объезда пациентов всего лишь полчаса назад, вернулся голодный, в надежде пообедать, но — обнаружив, что Молли не возвратилась из Тауэрс, — погнав усталую лошадь к сестрам Браунинг, которых застал в виноватом и беспомощном смятении. Не дожидаясь конца их слез и извинений, он галопом помчался домой, приказал сменить лошадь и оседлать пони для Молли и, хотя Бетти окликала его, чтобы он взял юбку для верховой езды, когда он еще был всего в десяти шагах от двери конюшни, ускакал, «что-то бормоча, — по словам конюха Дика, — страх как сердито».

Миссис Браун достала собственную бутылку вина и тарелку с собственным кексом прежде, чем Молли вернулась из долгого путешествия в комнату миссис Киркпатрик «чуть не в четверти мили отсюда», как сообщила экономка нетерпеливому отцу, пока тот ждал, когда его девочка спустится вниз при всем утреннем параде, уже несколько утратившем блеск новизны. Мистер Гибсон был любимцем обитателей Тауэрс, как это обыкновенно бывает с семейными врачами, несущими надежду на облегчение во времена тревоги и страданий, а миссис Браун, которая была подвержена приступам подагры, особенно радовалась случаю угодить ему, когда он давал ей такую возможность. Она даже вышла к конюшне, чтобы заколоть шаль на Молли, сидевшей на своем лохматом пони, и отважилась, когда они отъезжали, высказать осторожное предположение:

— Пожалуй, дома ей будет приятнее, мистер Гибсон.

Как только они выехали в парк, Молли хлестнула пони, заставив его пуститься во всю прыть. Мистер Гибсон наконец окликнул ее:

— Молли! Мы около кроличьих нор — здесь опасно так быстро ехать. Остановись.

Когда она натянула поводья, он поехал рядом:

— Мы въезжаем в тень под деревьями, и ехать здесь быстро не следует.

— Папа! Я еще никогда в жизни так не радовалась. Я чувствовала себя там будто горящая свечка, когда ее накрывают гасильником.

— В самом деле? А откуда тебе известно, как чувствует себя свечка?

— Мне не известно, но я так чувствовала. — И, помолчав, она добавила: — Я так рада, что я здесь! Так хорошо ехать на свободе, под открытым небом, на свежем воздухе, и так хорошо приминать траву в росе и чувствовать, как она пахнет. Папа! Ты здесь? Я тебя не вижу.

Он поравнялся с ней и поехал рядом. Думая, что ей, быть может, страшно ехать в такой темноте, он накрыл ее руку своей.

— Мне так хорошо тебя чувствовать! — сказала она, крепко сжимая его руку. — Папа, я хотела бы, чтобы у меня была цепь, как у Понто, такой длины, как твоя самая длинная поездка, — я смогла бы прикрепить нас двоих к ее двум концам, и, когда ты был бы мне нужен, я могла бы ее потянуть. А если бы ты не захотел приехать, ты мог бы потянуть в ответ, но я бы знала, что ты знаешь, что ты мне нужен, и мы бы никогда друг друга не потеряли.

— Я несколько запутался в твоем плане. Подробности, в том виде, как ты их изложила, не вполне ясны, но, если я правильно понял, я должен передвигаться по округе, как ослы на общинном выгоне, с привязанной к задней ноге веревкой.

— А мне не обидно, что ты называешь меня веревкой, лишь бы мы были связаны вместе.

— Но мне-то обидно, что ты называешь меня ослом, — ответил он.

— Я тебя так не называла. Во всяком случае, я этого не имела в виду. Но все равно — как хорошо знать, что можно грубить когда хочется!

— Так вот чему ты научилась в изысканном обществе, где провела весь этот день? А я-то ожидал увидеть тебя такой вежливой и церемонной, что даже прочел несколько глав из «Сэра Чарльза Грандисона»¹, чтобы поднять себя до достойного уровня!

— Ни за что в жизни я не хотела бы стать лордом или леди!

— Ну, на этот счет могу тебя успокоить: ты определенно никогда не станешь лордом, и тысяча шансов против одного, что не станешь леди — в том смысле, в каком ты это понимаешь.

¹ Роман в письмах английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761), в котором выведен безупречный джентльмен, воплощение порядочности и добродетели.

— Я бы теряла дорогу всякий раз, как надо было сходить за капором, или уставала бы от длинных коридоров и огромных лестниц еще до того, как выйду на прогулку.

— Но у тебя была бы горничная.

— Знаешь, папа, по-моему, горничным еще хуже, чем леди. Я бы, пожалуй, согласилась быть экономкой.

— Да, запасы варенья и всякие сладости всегда под рукой, — задумчиво ответил отец. — Но знаешь, миссис Браун говорила мне, что часто мысли об обедах не дают ей уснуть. Так что следует принять в расчет такое неудобство. Впрочем, на всяком жизненном поприще есть свои тяжкие заботы и обязанности.

— Да, пожалуй, — серьезно ответила Молли. — Я знаю. Бетти всегда говорит, что я ее в могилу сведу тем, что пачкаю платья зеленью, когда лезу на вишню.

— Вот и мисс Браунинг говорила, что довела себя до головной боли, думая о том, как они оставили тебя одну. Боюсь, ты для них сегодня — страшнее докторского счета. А как это все случилось, гусенок?

— Я пошла посмотреть сад — он такой красивый! — и заблудилась, и села отдохнуть под большим деревом, а тут подошла леди Каксхейвен, а с нею эта миссис Киркпатрик, и миссис Киркпатрик принесла для меня угощение, а потом уложила меня спать на своей кровати — я думала, что она придет и разбудит меня, когда надо, а она не пришла, так что все уехали без меня. А когда меня решили оставить до утра, я не хотела говорить, как я ужасно хочу домой, но все время думала о том, что ты не будешь знать, где я.

— Выходит, гусенок, праздник у тебя получился невеселый?

— Нет, утром было все хорошо. Я никогда не забуду, как было утром в саду. Но я ни разу в жизни не была такой несчастной, как потом, в этот долгий день.

Мистер Гибсон счел своим долгом нанести визит в Тауэрс, чтобы принести свои извинения и благодарность семейству, прежде чем все они уедут в Лондон. Он застал обитателей дома в предотъездных заботах, все были слишком заняты, чтобы выслушать изъявления его благодарности, все, кроме миссис Киркпатрик, которая, хотя ей и предстояло сопровождать леди Каксхейвен и нанести визит своей бывшей ученице, располагала достаточным временем, чтобы принять мистера Гибсона от имени всей семьи и заверить его самым очаровательным образом в своей благодарности за его профессиональное внимание к ней в минувшие дни.

Глава 3

ДЕТСТВО МОЛЛИ ГИБСОН

Шестнадцать лет тому назад весь Холлингфорд был взбудоражен известием о том, что мистер Холл, опытный доктор, который пользовал жителей городка уже долгие годы, собирается искать себе в помощь компаньона. Приводить какие-либо резоны по этому поводу было бесполезно, и потому викарий мистер Браунинг, управляющий лорда Камнора мистер Шиппенкс и сам мистер Холл, составлявшие мужскую мыслящую часть маленькой общины, отказались от таких попыток, полагая, что «*Che sarà sarà*»¹ скорее положит конец ропоту, чем многочисленные аргументы. Мистер Холл говорил своим преданным пациентам, что даже при самых сильных очках на его зрение уже нельзя полагаться, да они и сами могли заметить, что он и слышит не очень хорошо, хотя на этот счет он придерживался собственного мнения и нередко выражал сожаление о том, как неразборчиво нынче говорят люди, «словно пишут на промокашке, так что все слова вместе сливаются». И не раз у мистера Холла случались подозрительного свойства приступы — ревматизма, как он говорил, но лечение прописывал себе, как если бы это была подагра, — и тогда он не в состоянии был немедленно являться на срочные вызовы. Но при всем том — слепой, глухой и с ревматизмом — он был мистер Холл, доктор, который может вылечить все недуги (если только пациенты не умрут в ожидании его приезда), и он просто не имеет права говорить о том, что стареет и берет себе компаньона.

Он тем не менее всерьез взялся за дело: давал объявления в медицинских журналы, читал рекомендательные письма, тщательно изучал характеристики и квалификации. И как раз когда пожилые незамужние дамы Холлингфорда стали думать, что сумели убедить своего ровесника, что он молод, как прежде, он вдруг ошарашил их, приведя к ним с визитом своего нового компаньона — мистера Гибсона, и начал «всякими хитростями», как определили это дамы, вводить его в свою практику. Когда же они спрашивали: «Кто такой этот мистер Гибсон?» — ответить им могло только эхо, если бы захотело, потому что никто другой не хотел. Никто и никогда за всю его жизнь не узнал о его прошлом и о нем самом более того, что жители Холлингфорда смогли узнать в тот день, когда впервые увидели его, — что он высок ростом, серьезен, весьма привлекателен, достаточно худощав, чтобы его фигуру можно было называть изящной в те дни,

¹ Что будет, то будет (*um.*).

когда «мускулистое христианство»¹ еще не вошло в моду; говорил он с легким шотландским акцентом и, как заметила одна почтенная дама, «в разговоре был уж очень банален», под которым словом она подразумевала — саркастичен. Что касается обстоятельств его рождения, семьи и образования, то общество Холлингфорда склонялось к предположению, что он внебрачный сын какого-нибудь шотландского герцога и француженки. Основания для такого предположения были следующие. Он говорил с шотландским акцентом, стало быть он шотландец. У него элегантная наружность, стройная фигура, и он склонен, как говорили о нем недоброжелатели, напускать на себя важность, значит отец его был, по-видимому, какой-то знатной персоной. И, опираясь на это, ничего не было легче, чем разыгрывать гаммы предположений на всей клавиатуре сословия пэров — баронет, барон, виконт, граф, маркиз, герцог. Идти выше они не осмеливались, хотя одна старая дама, знакомая с английской историей, отважилась заметить, что, как ей кажется, «один или двое из Стюартов... гм... не всегда... гм... должным образом... себя вели, и ей представляется, что такие... гм... вещи... склонны повторяться в семьях». Но в представлении общества отец мистера Гибсона всегда оставался герцогом, не выше.

А вот мать его, по-видимому, была француженка: ведь у него такие черные волосы и такое бледное лицо, а еще — он бывал в Париже. Все это могло быть так, а могло быть и не так — никто не знал и более не узнал о нем ничего, кроме того, что сообщил им мистер Холл, а именно: что его профессиональные качества ничем не ниже моральных, что те и другие — много выше среднего, в чем мистер Холл дал себе труд удостовериться, прежде чем представил его своим пациентам. Популярность в этом мире столь же преходяща, сколь и слава, как убедился мистер Холл еще прежде, чем окончился первый год их партнерства. У него теперь было много свободного времени, чтобы нянчиться со своей подагрой и беречь свое зрение. Молодой доктор победил — почти все посылали за мистером Гибсоном. Даже в знатных домах — даже в Тауэрс, знатнейшем из всех, где мистер Холл представил своего нового партнера со страхом и трепетом, не сказанно тревожась относительно его поведения и того впечатления, которое он произведет на милорда графа и миледи графиню, мистер Гибсон был принят по прошествии двенадцати месяцев с таким же

¹ Имеется в виду традиция совмещать душевную и телесную крепость с христианским рвением, которую в начале XIX в. ввел в обиход директор школы Регби Томас Арнольд.

уважением к его профессиональным достоинствам, какое всегда выказывали самому мистеру Холлу. Более того — и это было уже немного слишком даже для старого добряка-доктора, — мистер Гибсон однажды был приглашен в Тауэрс на обед с великим сэром Эстли¹, первым лицом в медицинской профессии! Конечно, мистер Холл также был приглашен, но у него случился приступ подагры (с тех пор как у доктора появился партнер, его ревматизм был произведен в подагру), и он не смог присутствовать на обеде. Бедный мистер Холл так до конца и не оправился от этого разочарования; после чего он смирился с тем, что стал подслеповат и глуховат, и по большей части не покидал дома в течение двух своих последних зим. Он выписал к себе свою внучатую племянницу, сироту, чтобы скрасить одинокую старость; и старый холостяк, презиравший женщин, он был благодарен за присутствие в его доме хорошенькой, приветливой Мэри Пирсон, которая была доброй, благоразумной... и более никакой. У нее возникла тесная дружба с дочерьми викария, мистера Браунинга, и мистер Гибсон нашел время близко подружиться со всеми тремя. В Холлингфорде много судачили о том, которая из барышень станет миссис Гибсон, и были весьма разочарованы, когда все разговоры о вероятностях и сплетни о возможностях брака красивого молодого хирурга завершились самым естественным на свете манером: его женой на племяннице своего предшественника. Ни у той, ни у другой мисс Браунинг, при самом пристальном внимании к их наружности и манере поведения, не обнаруживалось по этому поводу ни малейших признаков чахотки. Напротив, они от души веселились на свадьбе, а вот бедная миссис Гибсон как раз умерла от чахотки — четырем или пятью годами позже, через три года после кончины своего дяди, когда ее единственному ребенку, Молли, было всего три года.

Мистер Гибсон редко говорил о своей потере, которую, как полагали, он ощущал. Он даже избегал всех выражений сочувствия и поспешно поднялся и вышел из комнаты, когда мисс Фиби Браунинг, впервые увидевшись с ним после его утраты, разразилась неудержимым потоком слез, который грозил закончиться истерикой. Мисс Браунинг тогда заявила, что никогда не простит его за проявленное бессердечие, но две недели спустя у нее произошло бурное объяснение со старой миссис Гудинаф, которая громким шепотом выразила сомнение в том, что мистер Гибсон глубоко чувствующий человек, судя по тому, какая у него узкая креповая лента на шляпе: она должна

¹ Имеется в виду знаменитый врач, придворный хирург сэр Эстли Купер (1768–1841).

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

Глава 1. Утро праздничного дня	7
Глава 2. Впервые в великосветском обществе	15
Глава 3. Детство Молли Гибсон	31
Глава 4. Соседи мистера Гибсона	38
Глава 5. Ребячья влюбленность	47
Глава 6. Визит в Хэмли-Холл	62
Глава 7. Предвестья любовных бед	75
Глава 8. На краю опасности	82
Глава 9. Вдовец и вдова	95
Глава 10. Кризис	104
Глава 11. Начало дружбы	121
Глава 12. Приготовления к свадьбе	136
Глава 13. Новые друзья Молли Гибсон	144
Глава 14. На Молли смотрят свысока	155
Глава 15. Новая мама	169
Глава 16. Новобрачная у себя дома	177
Глава 17. Беда в Хэмли-Холле	187
Глава 18. Тайна мистера Осборна	198
Глава 19. Приезд Синтии	210
Глава 20. Посетители миссис Гибсон	220
Глава 21. Сводные сестры	229
Глава 22. Тревоги старого сквайра	242
Глава 23. Осборн Хэмли оценивает свое положение	253
Глава 24. Маленький обед у миссис Гибсон	261
Глава 25. Суэта в Холлингфорде	268
Глава 26. Благотворительный бал	276
Глава 27. Отец и сыновья	294
Глава 28. Соперничество	302
Глава 29. Тайная война	314
Глава 30. Старое и новое	327

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 31. Безучастная кокетка	335
Глава 32. Предстоящие события	344
Глава 33. Более светлые перспективы	357
Глава 34. Ошибка влюбленного	364
Глава 35. Материнский маневр	372
Глава 36. Домашняя дипломатия	387
Глава 37. Страстный порыв, и что из этого вышло	393
Глава 38. Мистер Киркпатрик, королевский советник	407
Глава 39. Тайные мысли всплывают на свет	418
Глава 40. Глоток воздуха для Молли Гибсон	430
Глава 41. Тучи сгущаются	438
Глава 42. Гроза разразилась	450
Глава 43. Признание Синтии	459
Глава 44. Молли Гибсон спешит на помощь	468
Глава 45. Признания	478
Глава 46. Холлингфордские пересуды	488
Глава 47. Скандал и его жертвы	497
Глава 48. Без вины виноватая	508
Глава 49. У Молли Гибсон появляется защитница	517
Глава 50. Синтия в затруднении	526
Глава 51. «Беда не приходит одна»	539
Глава 52. Скорбь сквайра Хэмли	548
Глава 53. Нежданные визитеры	560
Глава 54. Новооткрытые достоинства Молли Гибсон	570
Глава 55. Возвращение влюбленного	582
Глава 56. «Уходит любовь, и приходит любовь»	591
Глава 57. Перед венчанием, визиты и расставания	600
Глава 58. Возрождение надежд и новые перспективы	610
Глава 59. Молли Гибсон в Хэмли-Холле	621
Глава 60. Признание Роджера Хэмли	630
Заключительные заметки (От издателя журнала «Корнхилл»)	644

МЭРИ БАРТОН

Предисловие автора	651
Глава I. Таинственное исчезновение	653
Глава II. Чаепитие в Манчестере	661
Глава III. Горе Джона Бартона	666
Глава IV. История старушки Элис	674
Глава V. Фабрика в огне. Джем Уилсон приходит на помощь	684

СОДЕРЖАНИЕ

Глава VI. Нищета и смерть	702
Глава VII. Отказ Джему Уилсону	718
Глава VIII. Первое публичное выступление Маргарет в качестве певицы	726
Глава IX. Чего достиг в Лондоне Бартон	741
Глава X. Возвращение блудной дочери	756
Глава XI. Намерения мистера Карсона проясняются	768
Глава XII. Питомец старушки Элис	781
Глава XIII. Рассказы путешественника	789
Глава XIV. Встреча Джема с несчастной Эстер	798
Глава XV. Бурное столкновение двух соперников	809
Глава XVI. Встреча фабрикантов с рабочими	820
Глава XVII. Ночное путешествие Бартона	830
Глава XVIII. Убийство	840
Глава XIX. Джема Уилсона арестовывают по подозрению	852
Глава XX. Сон Мэри... и пробуждение	863
Глава XXI. Зачем Эстер понадобилось разыскивать Мэри	870
Глава XXII. Мэри старается доказать алиби	879
Глава XXIII. Вызов в суд	889
Глава XXIV. У постели умирающей	900
Глава XXV. Решение миссис Уилсон	909
Глава XXVI. Поездка в Ливерпуль	916
Глава XXVII. В ливерпульском порту	920
Глава XXVIII. Эй, на «Джоне Кроппере»!	927
Глава XXIX. Дело Джема передается в суд	934
Глава XXX. Джеб Лег теряет надежду	939
Глава XXXI. О том, как Мэри провела эту ночь	944
Глава XXXII. Суд. Присяжные решили: «Невиновен!»	949
Глава XXXIII. Requiescat in pace	966
Глава XXXIV. Возвращение домой	977
Глава XXXV. «Прости нам наши согрешения»	989
Глава XXXVI. Разговор Джема с мистером Данкомом	1001
Глава XXXVII. Подробности убийства	1007
Глава XXXVIII. Заключение	1016

Литературно-художественное издание

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
ЖЕНЫ И ДОЧЕРИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Татьяна Бородулина,
Ирина Сологуб, Светлана Федорова

Подписано в печать 14.09.2017. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 64. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-16316-01-R